

Повесть о приключении английского милорда Георга... М. К.

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ПОВЕСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО МИЛОРДА ГЕОРГА и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе, с присовокуплением к оной (к бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе?) Истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевны Терезии. С гравированными картинами и портретом. Издание девятое. М. К. Москва (.) В тип. А. Евреинова. 1839. Три части. В 8-ю д. л. В I-ой части 105, во II-й -- 68, в III-й -- 128 стр.

"О милорд *английской*, о великий Георг! ощущаешь ли ты, с каким грустным, тоскливым и вместе отрадным чувством беру я в руки тебя, книга почтенная, хотя и безмысленная! В то время, когда я уже бойко читал *по толкам*, хотя еще и не умел писать, в то время, когда еще только начиналось мое литературное образование, когда я прочел и "Бову", и "Еруслана" *гражданскою печатью*, и "Повести и романы господина Волтера", и "Зеркало добродетели" с раскрашенными картинами¹,-- скажи, не тебя ли жадно искал я, не к тебе ли тоскливо порывалась душа моя, пламенная ко всему благому и прекрасному?.. Помню тот день незабвенный, когда, достав тебя, уединился я далеко, кажется, в огороде, между грядками бобов и гороха, под открытым небом, в лесу пышных подсолнечников -- этого роскошного украшения огородной природы, и там, в этом невозмущаемом уединении, быстро переворачивал твои толстые и жесткие страницы, всею душою удивляясь дивным приключениям, такую широкою кистью, так могуче и красно изложенным... Задумался я, погрузившись сердцем в какое-то сладостное мечтание... Передо мною носился образ твоей прекрасной, о Георг, маркграфини, которая наполнила меня таким нежным, трепетным чувством удивления к своей дивной красоте и женственному достоинству, что, мне кажется, не посмел бы дотронуться и до рукава ее богатого платья!.. А ты, неистовый Георг, ты не только решился остаться ночевать с нею в одной комнате, но даже и напечатлеть на ее устах преступный поцелуй, за что она, пришед в великую свирепость, не то надавала тебе пощечин, не то велела отодрать тебя плетьюми на конюшне -- не помню, право, а справляться некогда. И как любили тебя женщины, как навязывались они сами на тебя, о стократно счастливый милорд *английской*! И Елизабета, твоя обрученная, и маркграфиня, твоя возлюбленная, и королевна арагеская, и королевна гишпанская -- сколько их, и все королевны!.. А ты, несчастный визирь турецкий, злополучный Марцимирис, помнишь ли ты, как сострадал я тебе, когда лукавый черт отбивал у тебя твою прекрасную жену, королевну сардинскую, Терезию? О, если бы попался тогда мне в руки этот дьяволенок, я бы показал ему, что ад-то не в аду, а у меня в руках!.. О, как я рад был, когда наконец наградилась ваша примерная верность, образцовые любовники, каких нет более в наш ветреный и, как уверяет какой-то журналист, в наш *положительный, индустриальный*, антипоэтический век², в который поэтому уже невозможны ни "Милорды английские", ни "Аббадонны"... О милорд! что ты со мною сделал? Ты так живо напомнил мне золотые годы моего детства, что я вижу их перед собою; железная современность исчезает из моего сознания; я снова становлюсь ребенком и вот уже с бьющимся сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родимого дома с тесовою кровлею, окруженный бревенчатым забором... Вот от ворот до крыльца трехугольный палисадник, с акациями, черемуховым деревом и купою розанов... Вот и огород, которому со двора служат оградой погреб и другие службы, с небольшими промежутками частокола, а с остальных трех сторон -- плетень... Вот и маленькая баня при входе в огород, даже и среди белого дня пугавшая мое детское воображение своею таинственною пустотою... а вот, возле нее, и стог сена, на котором я часто воображал себя то Александром Македонским, то Ерусланом Лазаревичем... вот он и весь огород, с своими грядками, с своими подсолнечниками, которые через его плетень дружелюбно наклонили свои густые ветви... А в доме -- там нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы я не читал или не мечтал, или позднее не сочинял... Постойте, я поведу вас... Но, милорд, что ты со мною сделал?.. Какая кому нужда до моего детства?.. Я мечтаю, а надо мною смеются -- и всему этому виноват ты...", и пр. и пр.

Вот и извольте всегда быть беспристрастным! Нет, нельзя быть беспристрастным: беспристрастие